

УДК 17.177

О СОЦИАЛЬНОМ КАПИТАЛЕ И ЕГО ЭЛИТНОЙ АРАНЖИРОВКЕ

Е.О. Подолько

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет»

Анализируется концепт «социального капитала», акцентируется недопустимость деформации социального капитала российской элитой.

Ключевые слова: *социальный капитал, доверие, российская элита.*

Социальный капитал – один из инструментов изучения темы элиты. О деформации социального капитала в российских реалиях заявляют многие его исследователи [15, с. 371–398]. Подтверждается это многочисленными фактами, в том числе через «сюжетную линию» элиты. В данной статье обозначим локус вовлеченности российской элиты в социальную капитализацию, учитывая, что в системе координат социального капитала, процессах его наращивания элите задается роль аттрактора.

В широком смысле капитал – это всеобщая форма воспроизводства человеческого опыта. В словаре «Социальная философия» даётся следующая формулировка: капитал – «форма закрепления, сохранения (воспроизводства), накопления, развития человеческого опыта. Основой капитала является опредмечивание человеческих качеств и сил в виде средств деятельности и кооперации людей, в виде системы вещей, обуславливающей воспроизводство общественной жизни, капитал, как опредмеченная и отчужденная от индивидов форма опыта, создает предпосылки для квазиавтономного существования опыта людей в человеческой истории, для его передвижения в социальном пространстве и социальном времени, для его стандартизации, разделения и синтезирования. В этом смысле капитал – средство накопления и порождения социальной энергии, ее унификации и преобразования» [10, с. 188].

Понятие «социальный капитал» ввел в научный дискурс в 1916 г. Л. Ханифан. Под ним стали понимать структуру и качество неформальных связей и соотносить его с экономическим капиталом по таким характеристикам, как ограниченность, способность к накоплению, ликвидность, конвертируемость, способность к саморазвитию [13; 16; 19].

Экзегезис концепта социального капитала указывает на то, что он не только является определенным товаром, но и представляет собой также «актив», или «ресурс» [4, с. 3]. Идея социального капитала относится к организации людей, преследующих коллективные цели, и восходит к идее социального порядка. Среди основных идей концепции –

идея о том, что в социальной жизни успех общего дела и общая польза коррелируют с опытом совместной организации и деятельности.

Сегодня продолжается дискуссия по вопросу о том, относится ли социальный капитал к ресурсам, сетям или к сочетанию социальной структуры, сетей и связанных с ними идей и ценностей, к ассоциативной жизни. «Дефинируется» социальный капитал в авторской концепции «социального капитала» Р. Патнэма. В его видении «социальный капитал – это уходящие в глубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций» [12, с. 224]. Он толкует социальный капитал как социальный отношенческий ресурс, как общий ресурс, а также как характеристику группы и общества в целом, как характеристику социальной жизни, включающей сети, нормы и доверие, которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей.

В работе Р. Патнэма «Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии» исследуется экономический рост различных национальных государств. На примере различных районов Италии Патнэм показывает, что там, где есть культура гражданственности, где сильны гражданская активность и вовлеченность, там граждане «вовлечены в решение публичных проблем, а не в патрон-клиентские отношения и не в персоналистскую политику. Люди доверяют друг другу, рассчитывая на то, что все будут вести себя справедливо и законопослушно. В таких регионах лидеры отличаются относительной честностью. Они верят в народное правление, они предрасположены вступать в компромиссы со своими политическими противниками. И рядовые граждане и лидеры принимают здесь условия равенства. Социально-политические структуры организованы горизонтально, а не иерархически. В сообществах такого рода ценятся солидарность, гражданственность, сотрудничество и честность. Управление осуществляется эффективно» [5, р. 115]. Противоположность этому составляют районы Италии, где отсутствует культура гражданственности и господствует тотальное недоверие. Согласно Патнэму, через доверие как ключевой индикатор социального капитала, как символическое средство осуществления обмена, реальная практическая ценность которого состоит в обеспечении эффективности социальных, политических, экономических интеракций, осуществляется вовлеченность в гражданские дела, в гражданские ассоциации.

Близкую интерпретацию «социального капитала» дает Джеймс Коулман: «Социальный капитал определяется его функцией. Это не отдельная сущность, но разнообразие различных сущностей, обладающих двумя общими элементами: все они включают некоторый аспект социальных структур и облегчают определенные действия единичным или

коллективным акторам внутри структуры. Как и другие формы капитала, социальный капитал продуктивен, так как способствует достижению определенных целей, что при его отсутствии было бы невозможно. Так же, как физический и человеческий капитал, социальный капитал не является полностью взаимозаменяемым. Но он может быть определен для каждой отдельной деятельности, способствующей определенным действиям, форма социального капитала в отношении другой деятельности может быть бесполезной или даже вредной. Отличие социального капитала от остальных форм капитала заключается в том, что он включен в структуру отношений между акторами и среди акторов, а не сосредоточен в самих акторах или в средствах производства» [2, р. 98]. По мнению социолога, существует проблема дефицита «социального (общественного) капитала» – способности людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе [2, р. 95–120]. Эта проблема укоренена в отсутствие развитого общественного инстинкта использовать доступные им экономические возможности. В свою очередь социальный капитал презентует часть человеческого капитала, понятого как человеческие знания и навыки. Коулман полагает, что человеческий капитал состоит и в способности людей составлять друг с другом некую общность. Причем эта часть человеческого капитала имеет принципиальное значение не только для хозяйственной жизни, но и для каждого аспекта социальной жизни в целом [11].

Известный отечественный социолог, «элитолог» М.Н. Афанасьев аргументирует необходимость трактовки «социального капитала» в интерпретации Коулмана и Патнэма как общественный капитал. «Social capital, по Колмену и Патнэму, следует переводить и трактовать как общественный капитал. Такой перевод точно выражает аутентичный смысл их термина: включенный в структуру отношений между индивидами общий ресурс, используемый к общей выгоде. То есть такой перевод не вопрос вкуса – он более точен, концептуален и к тому же необходим для терминологического различения двух рядов социальных явлений и значений. В одном случае речь идет о социальном капитале – отношенческом ресурсе вертикального продвижения и воспроизводства господствующего статуса, факторе воспроизводства господствующего социального класса, господствующей элиты. В другом случае речь идет об общественном капитале – отношенческом ресурсе максимизации общей выгоды, факторе воспроизводства спонтанной общественной связности» [11, с. 7].

Необходимость различения социального и общественного капитала вызвана также особым пониманием социального капитала в концепции П. Бурдьё. Здесь социальная реальность предстает как ансамбль отношений, пространство социальных позиций, определенных друг другом и с историей их формирования. Социальное пространство многомерно, структурируется на основе распределения различных видов

капиталов (экономического, культурного, символического), выступающих как инструменты и цели борьбы внутри пространства. По Бурдье, субъекты «распределены в общем социальном пространстве в первом измерении по общему объему капитала в различных его видах, которым они располагают, и во втором измерении – по структуре их капитала, т. е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного) в общем объеме имеющегося у них капитала» [8, с. 188].

Согласно концепции, под социальным капиталом подразумевается совокупность актуальных и потенциальных ресурсов, связанных с использованием устойчивой сети более или менее институализированных отношений знакомства и взаимного признания. Основу социального капитала составляет принадлежность к группе. Чем сильнее развита социальная сеть личных отношений, которую актор создает путем постоянной работы над своими отношениями и к которой он может обратиться, тем выше шансы воспроизводства его экономического и социального капиталов. Социальный капитал обладает эффектом мультипликатора, так как способен оказывать влияние на другие формы капитала [1, р. 2–3].

Сравнивая концепции «социального капитала» Коулмана, Патнэма, Бурдье, М.Н. Афанасьев пишет: «Коулман и Патнэм ищут социальные ресурсы и факторы максимизации валового регионального или национального – продукта. Бурдье интересуют социальные ресурсы и факторы воспроизводства верхнего статуса индивида и верхнего класса общества. Да, обе заинтересованные стороны рассматривают “более или менее институционализированные отношения взаимного знакомства и признания”, причем и та и другая стороны рассматривают подобные отношения в качестве воспроизводимого и накапливаемого ресурса для извлечения пользы. Однако Коулман и Патнэм толкуют о социальном отношенческом ресурсе, который не сосредоточен непосредственно ни у одного из членов сообщества, попросту говоря – об общем ресурсе и общей пользе. А Бурдье выделяет социальный отношенческий ресурс, используемый индивидом для вертикального продвижения и концентрируемый в его персональном и всегда классовом статусе. Если коротко, Коулман и Патнэм раскрывают секрет социальной кооперации, Бурдье разоблачает секрет социального господства» [2, р. 7].

В концепции Ф. Фукуямы «социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами. Он может быть воплощен и в мельчайшем базовом коллективе – семье, и в самом большом коллективе из возможных – нации, и во всех коллективах, существующих в промежутке между ними. Социальный капитал отличается от других форм человеческого капитала тем, что обычно он создается и передается посредством культурных механизмов – таких, как религия, традиция, обы-

чай» [18, с. 52]. Социальный капитал есть результат коллективного сообщества, объединенного общими этическими ценностями. Приобретение общественного капитала требует адаптации к моральным нормам определенного сообщества и усвоения в его рамках таких добродетелей, как преданность, честность и надежность. «Более того, прежде чем доверие сможет стать обезличенной характеристикой группы в целом, она должна иметь некоторые нормы, общие для всех ее членов. Иными словами, социальный капитал не может стать результатом действий отдельного человека, он вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными. Склонность к социализированности усваивается куда труднее, чем другие формы человеческого капитала, но, поскольку в ее основе лежит этический навык, она труднее поддается изменению или уничтожению» [18, с. 54].

В оценке Фукуямы доверие есть разновидность социального капитала. Он мыслит доверие как «искусство ассоциации» и раскрывает роль доверия в достижении экономического процветания. Доверие – это «ожидание, возникающее в рамках сообщества и состоящее в том, что другие члены сообщества будут демонстрировать правильное, честное поведение, выдержанное в духе сотрудничества, основанное на общепринятых нормах этого общества. Данные нормативные ожидания могут быть связаны как с глубокими «ценностными» вопросами (такими, как природа Бога или справедливости), так и с нормами повседневной жизни, такими, как критерии профессионализма и кодексы профессионального поведения. Иными словами, мы доверяем врачу, что он или она не причинит нашему здоровью сознательного ущерба, так как хранит верность клятве Гиппократова и соответствует стандартам, принятым в профессии медика» [3, р. 420].

В понимании Фукуямы доверие есть такая разновидность социального капитала, которая используется группой в целом, что создает возможность существования в среде ее членов генерализованного доверия. Доверие как разновидность капитала имеет различную степень распространения в странах, характеризующихся неодинаковой способностью к созданию ассоциаций. В Японии и Германии эта способность развита сильно, в США – слабо. Он добавляет: «В свою очередь такая способность к ассоциации зависит от существования внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, а также от готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. Результатом общих норм и ценностей становится взаимное доверие» [18, с. 26].

Ф. Фукуяма провозглашает доверие формой социальной солидарности. Он пишет: «Как правило, доверие возникает в случае, если сообщество объединено неким набором моральных ценностей, благодаря которому в нем возникают ожидания правильного и честного поведения. В некотором смысле, значение имеет даже не сам характер данных ценностей, а тот факт, что они объединяют людей: например, и

пресвитерианцы, и буддисты, скорее всего, найдут много общего именно со своими единоверцами, что и явится основой взаимного доверия... Вообще, чем большие требования предъявляются к индивидам со стороны разделяемой сообществом системы этических ценностей и чем строже условия вступления в сообщество, тем выше внутри этого сообщества уровень солидарности и взаимодоверия. Так, мормоны и «свидетели Иеговы» с их довольно строгими условиями членства, такими, как воздержание и уплата церковной десятины, должны ощущать между собой более тесную взаимосвязь, чем, скажем, методисты или члены епископальной церкви, готовые принять в свои ряды практически любого» [18, с. 153–154].

У Ф. Фукуямы отождествляется доверие с социальной солидарностью, и, как пишет А. Селигмен, еще с тем, что сопутствует ожиданиям правильного поведения. На страницах книги «Проблема доверия» американский социолог А. Селигмен полемизирует с фукуямским пониманием социального капитала как доверия [14, с. 90]. Он доказывает, что социальный капитал суть лишь совокупность форм жизни ассоциаций, основанных на различных типах уверенности в работе системы и ее институциональных образований. Данный социальный капитал (уверенность) сам основывается на различных проявлениях безусловного, что как раз и обеспечивается различными условиями солидарности, выступающей в присущих ей многообразных обличьях. Селигмен выводит уравнение: «Социальный капитал=Жизнь ассоциаций=Уверенность (основан на) Безусловности=Принципах генерализованного обмена=Солидарности. Основания принятых в обществе безусловностей могут быть очень различными. Среди них – родственные связи, общности религиозных верований, простое знакомство, коллективное сознание, и именно здесь вступает в игру элемент доверия, определяемый как весьма уникальная разновидность интеракционной матрицы» [14, с. 90].

Полемизируя с Ф. Фукуямой по вопросу упрощенного (экономического) понимания доверия как символического кредита, А. Селигмен указывает на различные модели социальности, жизни в ассоциации, принципов генерализованного обмена, т. е. всех форм социального капитала, которые делают возможной социально-экономическую жизнь. Существуют различия между доверием, уверенностью (система ролевых ожиданий) и духовной близостью (способность приписывать другому собственные сильные оценки), фиксация которых не позволяет смешивать доверие: «а) со всеми формами безусловностей или принципов генерализованного доверия, б) с реализацией уверенности, то есть с существованием во всех обществах социального капитала как некой экономической экстерналии. Пожалуй, именно это ошибочное употребление термина “доверие” не позволило многим аналитикам заметить, что в различных обществах мы имеем дело с весьма различными типами экстерналий (различными принципами генерализо-

ванного обмена). Ибо, как мы утверждали выше, в отличие от уверенности, которая может быть (а может и не быть) присуща любой системе, характеризующейся общностью сильных оценок (речь идет об уверенности в социетальных принципах безусловности, об основе безусловности, каковой является генерализованный обмен), доверие возникает только как составная часть весьма конкретного типа безусловности – безусловности, относящейся к самостоятельным действиям отдельно взятых агентов. Различные типы безусловности обеспечивают различные типы уверенности, основываются на различных видах ассоциаций (хотя на практике все они существуют в “смешанном” виде, в разнообразных комбинациях, в которых роль основной общественной составляющей безусловности играет то один, то другой из этих видов)» [14, с. 95].

Ф. Фукуяма называет среди форм социального капитала, создающих возможности для взаимного доверия между людьми и объединения их в экономические союзы, семью, родство, а также социальные группы, не завязанные на родстве, фундаментом которых стала семейная структура, позволяющая легко инкорпорировать в нее посторонних (гильдии – в Германии, протестантские секты – в США). «Помимо семьи нет такого пути к социализированности, который был бы свойствен всем культурам, обнаруживающим высокий уровень доверия и спонтанной социализированности». Общества, характеризующиеся недостатком социального капитала, не могут подготовить плодородной почвы для экономической деятельности. Этим обществам, считает Фукуяма, свойственна такая интересная черта, как «преступное сообщество». «Они могут позволить себе такой тип коммунальной организации – как если бы имелся некий естественный универсальный импульс к общению, который, не сумев получить выражение через легитимные социальные структуры, то есть через семью или добровольные объединения, принимал бы патологическую форму бандитской группировки. И действительно, всякого рода “мафии” проявляют себя как одна из наиболее крепких форм социальной организации на территории южной Италии, во внутренних районах американских мегаполисов, в России и во многих городах Центральной Африки» [14, с. 248].

Культурные различия влияют на склонность к социализированности, ассоциированию, итожит Фукуяма. Следствием влияния культуры с высокой предрасположенностью к спонтанной социализированности является способность к формированию крупных современных корпораций с профессиональным управлением. Так, Япония, Германия, Соединенные Штаты, характеризующиеся высокой степенью доверия, стали первопроходцами в деле развития системы крупномасштабных предприятий с профессиональным управлением.

Однако, как утверждает М.Н. Афанасьев, не все социальные связи и объединения, на которые указывает Ф. Фукуяма, воспроизводят со-

циальный (общественный) капитал. «Дело в том, что социальные связи текучи и противоречивы. Пример мафии, который обычно приводят, как раз не самый интересный в силу его очевидности: мафия, как и государство... представляет собой институт недоверия и зиждется на санкциях. А вот, к примеру, ватаги греческих героев и скандинавских варягов – они действительно оставили значимый общественный капитал в своих метрополиях и колониях, но походя растоптали не одно сообщество. Этнические объединения и церковные приходы по всему миру оказывают братскую помощь “своим”, но нередко, склоняясь к агрессии в отношении “чужих”, разрушают добрососедство и мирную жизнь в целых странах и регионах» [6, с. 8].

Социолог справедливо критикует тех, кто, измеряя социологическими инструментами социальное доверие, экстраполируют его на общественный капитал. «Доверие взаимодействующих людей – имманентная характеристика общественного капитала. Но из этого совсем не следует, что всякое социальное доверие порождено именно общественным капиталом и выступает его составляющей» [6, с. 8]. Заметим, что вместе с Коулманом и Патнэмом под общественным капиталом им понимается социальный, отношенческий ресурс максимизации общей выгоды и воспроизводства общественно полезной социальной связности.

В последние пять лет ведущими отечественными социологами проведены исследования, посвященные оценке ценностей, мотиваций, социальных представлений, общественного капитала российской элиты [7; 9; 17]. Все результаты исследований, к сожалению, показывают лишь нашу «надежду» на то, что российская элита является держателем социального капитала, создателем общественного капитала гражданского взаимодействия и кооперации. А участие в генерировании и формировании новой социальной ткани элитных групп развития является определяющим, общеобразующим. Так, М.Н. Афанасьев делает вывод о том, что общественный капитал в наших элитных группах невелик, он заметно уступает живому опыту общественного участия и взаимодействия как европейцев и американцев, так и китайцев. «Общественные, гражданские связи» интересуют представителей российских элитных групп прежде всего как социальный капитал (по Бурдье) – связи, которыми прирастают власть, влияние, карьера и богатство. Что касается такого индикатора, как уровень межличностного доверия, то для элиты он оказывается ниже среднего [6, с. 16]. Напомним, что доверие – ресурс накопления социального капитала, оно отражает актуальный и прошлый опыт социальных взаимодействий, воспроизводит сложившиеся традиции, структуру и нормы взаимоотношений. Доверие можно полагать как механизм, обеспечивающий приобщение к жизни в ассоциациях. Доверие, понимаемое как символический кредит, есть главное условие возможности социально-экономической жизни. Оно базируется на системе развивающихся ожиданий и составляет основу кооперации.

Дефицит доверия влечет проблему дефицита социального капитала. Радиус доверия как показатель социального капитала отражает широту и интенсивность социальных связей в обществе.

Вспомним, что элита должна выделяться среди остальных своим культурным и нравственно-духовным авторитетом. Элита, по определению, обязана выступать субъектом интеграции общества, быть катализатором социальных изменений и наращивать социальный капитал. А пока можно лишь наблюдать значимую роль российской элиты лишь в процессе деформации социального капитала.

Список литературы

1. Bourdieu P. Le capital social: notes provisoires // Actes de Recherche dans les Sciences Sociales. 1980. V.31.
2. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American J. of Sociology. 1988. № 94.
3. Fukuyama F. Trust: The social virtue and their creation of prosperity. New York, 1995.
4. Harriss, J. Depoliticizing Development: The World Bank and Social Capital. New Delhi, 2001.
5. Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993.
6. Афанасьев М.Н. Общественный капитал российских элит развития // Общественные науки и современность. 2009. № 3.
7. Афанасьев М.Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М., 2009.
8. Бурдье П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Бурдье П. Начала. М., 1994.
9. Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблемы «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.
10. Кемеров В.Е., Латыпов И.А. Капитал // Социальная философия: словарь / под ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. М., 2003.
11. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
12. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
13. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.
14. Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002.
15. Соболева И.В. Деформации социального капитала и перспективы их преодоления // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов. М., 2010.

16. Стрельникова Л.В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 33–41.
17. Сумма идеологии: Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М., 2008.
18. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
19. Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 17–32.

ON THE SOCIAL CAPITAL AND ITS ELITIST ARRANGEMENT

E.O. Podol'ko

Tver State Technology University, Tver

The article is focused on the "social capital" concept accentuating the non-desirability of the social capital deformation by the Russian elite.

Keywords: *social capital, trust, Russian elite.*

Об авторе:

ПОДОЛЬКО Елена Олеговна – кандидат философских наук, доцент Тверского государственного технического университета. E-mail: pif1997@mail.ru